

Жюли

Жюли Маргани не понимала, почему она не беременеет. Она рассчитала дату зачатия с тем, чтобы родить в конце летних каникул и выйти на работу в январе, когда компании будет трудно без нее обойтись. Но тело бастовало: месячные с завидной регулярностью приходили точно в срок. Жюли не привыкла, чтобы мировой порядок шел вразрез с ее пожеланиями, и это привело к постепенному нарастанию тревожных симптомов: то в метро на нее вдруг накатывала паническая атака, то ее одолевал страх перед тем или иным продуктом. Но больше всего она боялась хаоса.

Впервые увидев Жюли у себя на лестничной площадке, я мгновенно узнала в ее нежном лице черты девочки, какой она когда-то была. Моя новая соседка принадлежала к числу девочек примерных — из тех, что никогда не забывают взять в бассейн ша-

почку, не теряют резинки для волос и не таскают у папы станок, чтобы побрить себе ноги. Я всегда с удовольствием общалась с этими изящными созданиями, существующими в мире, скроенном под них. Разумеется, я никогда не пыталась стать похожей на этих идеальных девочек, что было заранее обречено на провал, зато набивалась к ним в подружки и пользовалась их любовью и покровительством. Я быстро вошла во вкус своей роли фаворитки: меня приглашали на дни рождения, где мне перепадал то лишний набор почтовой бумаги, то ластик необычной формы, то пара голографических наклеек. На перемене они давали мне поиграть со своими куклами пони, от которых вкусно пахло клубникой. Особенно мне нравилось оставаться у кого-нибудь из них ночевать: в отглаженных пижамах мы укладывались валетом в мягкую постель, и они делились со мной своими секретами, что наполняло меня чувством причастности к космогонии их чудесного детства. Чем теснее я с ними общалась, тем крепче их любила, снова и снова убеждаясь в том, что примерные девочки — обворожительные создания, способные на верную дружбу. Годы спустя я продолжала восхищаться женщинами, похожими на мою соседку Жюли, которая в свои сорок лет возглавляла агентство, специализирующееся на управлении лояльностью клиентов по договору со всемирно известным холдингом, и была способна, проведя днем серьезное совещание, вечером переодеться в юбку-карандаш, отправиться в оперу слушать “Ма-

дам Баттерфляй” и, держа за руку мужа, заливаясь искренними слезами. Мне нравилось наблюдать за ней в будничной обстановке — если честно, я ею восторгалась. Я терпеть не могу брать на себя ответственность, ненавижу готовить, не умею выступать на публике, а на первом свидании напрочь забываю про самолюбие. Нечего и говорить, что наша дружба отчасти объяснялась нашими различиями. Жюли позволяла мне прикоснуться к своей безусловно организованной жизни — взамен я ее сместила. Как ни банально это звучит, но все такого рода антагонизмы действительно уходят корнями в детство. Отец и мать Жюли были логопедами и держали в Париже довольно известный частный кабинет. Мои родители тоже работали вместе — они были комиками. К сожалению, известность к ним так и не пришла.

Мои мать с отцом на протяжении почти двадцати лет — с 1981-го по 1998-й — выступали дуэтом и объездили почти всю Францию. Иметь родителей-клоунов не очень-то весело, особенно если ты единственный ребенок в семье. Жюли в этом отношении повезло — она росла с тремя братьями, что дает женщине огромное преимущество. Мужской член я впервые увидела в тот день, когда лишилась девственности; девушки, которым выпала удача с детства тесно общаться с противоположным полом, оказываются в выигрышном положении — их нельзя застать врасплох. Зато я наизусть знала карту Франции со всеми ее департаментами, а глав-

ное — с крошечными театриками, кабаре, муниципальными клубами, кабачками и бистро.

Жюли все свое детство спала в одной и той же комнате и в одной и той же кровати на третьем этаже солидного буржуазного дома. Вечером в воскресенье семья, согласно незыблемому правилу, ужинала на кухне холодными закусками — просто потому, что у них было так принято. Меня же, напротив, все мое детство без конца, как чемодан, перетаскивали с места на место, из одной прокуренной ночлежки в другую, такую же случайную. Когда я говорю “как чемодан” — это не фигура речи. Дело в том, что у моих родителей был скетч под названием “Чемодан”.

Мать выбегала на сцену с огромным чемоданом в руках, якобы опаздывая на поезд. Из-за противоположной кулисы неторопливой походкой выплывал отец. Не спеша, посвистывая, руки в брюки. Встретившись, они начинали шумно ссориться. В это время из чемодана высовывались две маленькие ножки, и он потихоньку отступал подальше, явно не желая присутствовать при скандале. Обнаружив, что чемодана нет, родители делали вывод, что его украли, и принимались еще громче орать друг на друга. От этих воплей чемодан поднимался на ноги, как в мультфильме, и улепетывал за кулисы. Зрители покатывались со смеху. Они вскакивали со стульев и громко аплодировали. У меня колотилось сердце — вы уже поняли, что в чемодане сидела я, маленькая Эмильена. С полутора до четырех лет я изображала в родительском номере живой чемо-

дан. Но затем настал неизбежный день, когда мои руки и ноги перестали туда помещаться. За одно лето я поняла, какое значение имеет для человека его задница. Родители решили завести еще одного ребенка, но у них, к сожалению, ничего не вышло. Гораздо позже, когда я сама стала мамой, они подбивали меня дать им напрокат моего сына и в мыслях уже примеряли свои старые костюмы времен шумного успеха. Но я была непреклонна: мой ребенок никогда не будет сценическим реквизитом. Следует добавить, что от тех лет эфемерной славы я сохранила легкую клаустрофобию и невероятную гибкость. Жюли тоже была довольно гибкой, но в основном благодаря занятиям классическим танцем: она тренировала свое стройное, как лиана, тело возле балетного станка. Я так и вижу ее в розовой пачке, с аккуратно заколотыми волосами, выступающей перед нацеленными на нее объективами ручных видеокамер. Пока Жюли шила себе костюм к празднику в конце учебного года, я разъезжала по улицам, сидя у отца на плечах, и раздавала рекламные листовки с приглашением на внеконкурсные спектакли Авиньонского фестиваля.

Миновало двадцать пять лет, и мы стали соседками.

Прошло еще какое-то время, и счастливое событие случилось-таки — Жюли забеременела. Беременность у нее протекала тоже образцово. Одной рукой она втирала в грудь крем для упругости, другой листала умные книжки о подготовке к родам;

за несколько месяцев она приобрела знания, достойные патронажной сестры, и отправилась в роддом профессиональной будущей матерью, прихватив чемодан с цветочным рисунком в тон своему светло-розовому лаку для ногтей. В следующую субботу она вернулась с младенцем в плетеной колыбельке, свежая и улыбающаяся, как будто ходила на рынок и купила в лавке самый лучший кусок парного мяса. Жюли начала работать, не дожидаясь окончания декретного отпуска, и возобновила интимные отношения с мужем, как только в ускоренном темпе прошла курс восстановительной терапии.

Я восхищалась Жюли. Кроме шуток. Я поражалась тому, сколько всего она успевает сделать за один день. При этом остается в прекрасном настроении, как будто все это ей ничего не стоит. Никогда не жалуется. Только улыбается.

Я знаю, о чем говорю. Я — фотограф, и моя профессия заключается в том, чтобы уговорить людей улыбнуться, а это совсем не так просто. На протяжении многих лет я снимала детей — от ясельного возраста до выпускного класса школы, в основном работая в департаментах Марна и Сена-и-Марна, в так называемых *приоритетных зонах образования*. Проблема со школьной съемкой в том, что надо уметь произвести хорошее впечатление на директора, не отказываться ни от одного мероприятия и посылать им поздравительные открытки — иначе на следующий год не позовут. Я бы, воспользовавшись выражением Жюли, сказала, что “управление

отношениями с клиентами” — не мой конек, поэтому она связала меня с посредническим агентством. Агентство предлагает мою кандидатуру компаниям, желающим организовать фотосъемку сотрудников на рабочих местах для всяких там семинаров, коктейлей, благотворительных вечеров или спортивных состязаний. Затем оно печатает портреты служащих, озаренных счастливой улыбкой, — еще бы, им повезло работать в такой прекрасной компании! — на кружках, майках и магнитах, которые потом будут собирать пыль на дверце холодильника. Сегодня я в основном работаю через них, благодаря чему освободилась от бумажной волокиты, а главное — избавилась от свадебной съемки, хотя дело это выгодное, может быть самое выгодное в нашем ремесле. Но оно же — источник неисчислимых проблем. Мне еще ни разу не встречались новобрачные, которым понравилась бы их свадебная съемка, — они всегда недовольны. Мечты о сказочных воспоминаниях на всю жизнь разбиваются о суровую действительность реальной картинки, запечатлевшей убожество украшенного зала или лужайки и накрытых для гостей столов. Женщины обнаруживают, что в своих пышных белых платьях похожи на посыпанную сахарной пудрой ромовую бабу, а мужчины — что в розовом костюме цвета пупса выглядят попросту нелепо. Но я-то тут при чем? Они долго убеждают тебя, что это ты во всем виновата, а потом еще пытаются оспорить сумму счета, потому что, видите ли, ты забыла сфотографировать

семью австралийских родственников, и требуют уничтожить негатив снимка, на котором бабушка лапает молоденьких девчонок. Но даже не это главное. На свадьбе трудно отказаться от бокала-другого шампанского, в результате чего наутро я частенько просыпалась в постели одного из гостей. Между тем профессия свадебного фотографа требует определенной репутации, которая складывается на основе устных отзывов, и здесь я была явно не на высоте.

Это то, что касается способов заработать на жизнь. Но я все-таки стараюсь заниматься и творчеством — разумеется, под другим именем. На моей страничке в Википедии написано:

Эмильена Крамо, известная также под псевдонимом Эмильена Вальс, родилась в Лиможе 14 сентября 1984 года. Французский фотограф и художник.

Псевдоним Вальс я выбрала потому, что мне нравятся имена, образованные от глаголов. Я очень рано поняла, насколько важна для человека фамилия. Это было в начале девяностых, я тогда училась в одном классе с девочкой, которую звали Кароль Беги. Мне было семь лет, и родители на некоторое время осели в Бурла-Рен, южном пригороде Парижа, решив “попытать счастья в столице”; раз в неделю они выступали в кабаре “Дон Камило”, расположенном на улице Сен-Пер, — если мне не изменяет память, по вторникам.